

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Радиоприемник «Домбай-306»

Новый всеволновый радиоприемник «Домбай-306» отличается от предшествующих моделей повышенной выходной мощностью, улучшенным качеством звучания. В его конструкции применены интегральные микросхемы. Увеличена энергоемкость источника питания, имеется автоматическая подстройка частоты в УКВ диапазоне.

«Домбай-306» компактен, удобен в обращении. Чтобы не мешать окружающим при прослушивании передач, к нему можно подключить головные телефоны.

Цена — 79 руб.

ЦКРО «Радиотехника»

БИБЛИОТЕКА

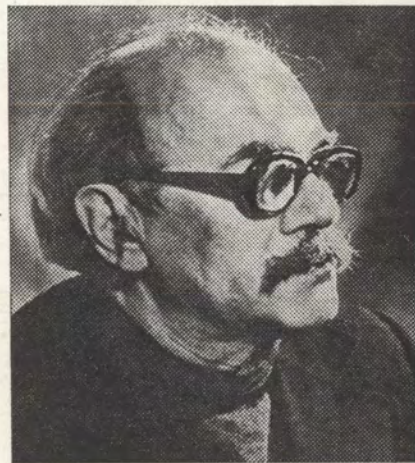
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 8

1987

Давид САМОЙЛОВ

ДАЙ ВЫСТРАДАТЬ
СТИХОТВОРЕНИЕ...

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

Давид САМОЙЛОВ

ДАЙ ВЫСТРАДАТЬ
СТИХОТВОРЕНИЕ...

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Давид САМОЙЛОВ

От большинства из нас, кого современники называют поэтами, остается не так уж много. «Поэзия — та же добыча радия» (Маяковский). Отбор этот производят читатели — все виды читателей, которых нам посчастливилось иметь.

Несколько слов о себе.

Я 1920 года рождения. Москвич. Мне повезло в товарищах и учителях. Друзьями моей поэтической юности были Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Николай Глазков, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий. Учителями нашими — Тихонов, Сельвинский, Асеев, Луговской, Антокольский. Видел Пастернака. Встречался с Ахматовой и Заболоцким. Не раз беседовал с Мартыновым и А. Тарковским. Дружил с Марией Петровых. Поэтическая школа была строгая.

Воевал. Тяжело ранен. Печататься начал после войны. Первая книга вышла в 1958 году.

У меня восемь поэтических книг («Ближние страны», «Второй перевал», «Дни», «Волна и камень», «Весть», «Залив», «Голоса за холмами», «Горсть»). Наиболее полно мои стихи представлены в сборниках «Избранное» (1980) и «Стихотворения» (1985).

Много переводил. Из больших поэтов — Рембо, Аполинера, Лорку, Брехта, Незвала, Тувима, Галчинского, Бажана, Эминеску и многих других. Мои стихи переведены на главные европейские языки. Выходили отдельными изданиями в нескольких странах.

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке,
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю.
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые!..
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

СТАРИК ДЕРЖАВИН

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправдания:
Мы в тот день ходили на задание,
А потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: «Вот черти,
Некому и лиру передать!»

А ему советовали: «Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!»
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Всё занятие — по его годам.)
По ночам бродил в своей мурмопочке,
Замерзал и бормотал: «Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!»
Был старик Державин льстец и скарעד,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

Тогда я был наивен,
Не ведал, в чем есть толк.
Купите за пять гривен,
А если надо — в долг.

Тогда я был возвышен,
Как всадник на коне.
Не знал, что десять пишем
И держим два в уме.

Тогда я был не этим —
Я был совсем другим.
Не знал, зачем мы светим
И почему горим.

Тогда я был прекрасен,
Бездельник молодой.
Тогда не падал наземь
Перед любой бедой.

Л. Ч.

Полночь под Иван-Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красotka,
С ней бы было веселей,
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, еще не мятой,
Я ее поцеловал.

И потом глядел счастливый,
Как светлели небеса,
Рядом с этой, некрасивой, —
Только губы и глаза.

Только слово: «До свиданья!» —
С легкой грустью произнес.
И короткое рыданье
С легкой грустью перенес.

И пошел, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная...»
Громким голосом крича.

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Когда среди шумного бала
Они повстречались случайно,
Их встреча, казалось сначала,
Была не нужна и печальна.

Он начал с какого-то вздора
В своем ироническом тоне.
Но, не поддержав разговора,
Она уронила ладони.

И словно какая-то сила
Возникла. И, как с палимпсеста,
В чертах ее вдруг проступила
Его молодая невеста.—

Такой, как тогда, на перроне,
У воинского эшелона,
И так же платочек в ладони
Сжимала она обреченно.

И в нем, как на выцветшем фото,
Проявленном в свежем растворе,
Вдруг стало пробрезживать что-то
Былое в лице и во взоре.

Вдвоем среди шумного бала
Ушли они в давние даты.
— Беда,— она тихо сказала,—
Но оба мы не виноваты.

Меж нашей разлукой и встречей
Война была посередине.
И несколько тысячелетий
Неволью нас разъединили.

Но как же тогда, на вокзале,
Той осенью после победы,—
Вы помните, что мне сказали
И мне возвратили обеты?

— Да, помню, как черной вдовою
Брела среди пасмурных улиц.
Я вас отпустила на волю,
Но вы же ко мне не вернулись...

Вот так среди шумного бала,
Где встретились полуседыми,
Они постигали начало
Беды, приключившейся с ними.

Все, может быть, было уместно:
И празднества спад постепенный,
И нежные трубы оркестра,
Игравшего вальс довоенный.

* *
*

Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом,
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, бог весть кому —

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

ПАМЯТЬ

Е. А.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.

И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются с «однажды».
И в этом однократность бытия
И однократность утоления жажды.

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

ИЗ ДЕТСТВА

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Собирается вещий Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке души,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

ВЫЕЗД

Помню — папа еще молодой.
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик — лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем!

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем, незнамо куда, —
Все мы едем и едем куда-то.

ЦЫГАНЕ

Нас в детстве пугали няни,
Что уведут цыгане.
Ах, вы, нянюшки-краси,
Жаль, что меня не украли.

Бродил бы с табором лунным
(Странно-туманно).
Кони под месяцем юным.
Запах тимьяна.

Где вы, мои цыгане,
Плясуны, конокрады?
Где вы, мои цыганки,
Где вы, сердца отрады?

В поэзии нашей великой
Есть цыганская нота.
И звучит эта нота,
Когда уж жить неохота.

(«Странно-туманно.
Расстались неожиданно.
На сердце рана,
И жизнь нежеланна».)

Пока луна не погасла.
На свете будет цыганство:
Песня, обман, лукавство,
Скрипка и постоянство.

Я помню цыгана Игната
В городе Кишиневе.
Он мне играл когда-то
О давней моей любви.

(«Странно-туманно
Вечером рано.
Расстались неожиданно,
И на сердце рана».)

Узел моей печали,
Скрипка, стяни потуже...
Ах, если б нянюшки знали,
Как спасти наши души!

ВЕЧЕРОМ

Мальчик играл в оловянных солдат,
Девочка куклу качала.
Этот тысячелетний обряд
Весь повторялся с начала.

Девочка спела свое: «Ай-люли!»
Мальчик заснул героем.
Ветки качались. По небу шли
Тучи сомкнутым строем.

Глаз не смыкая, кукла спала.
И на ночном привале,
В кучу сбившись у края стола,
Стоя солдатики спали.

* *
*

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
«Мой милый сын! Что случилось с тобою?»

Он проклинал наш век, войну, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

* *
*

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега. Листопады
Недавно отшуршали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный,
И кажется, что город
Стоит ненаселенный—

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороныих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних.

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

* *
*

Д. К.

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь — самосожжение,
Но сладко медленное тленье,
И страшен жертвенный огонь.

* *
*

То осень птицы легче
Опустится на плечи
Осиновым листом...
Но это все потом.

И графика пейзажей,
Изображенных сажей
На воздухе пустом...
Но это все потом.

А что было вначале?
Какие-то печали,
Вошедшие в мой дом...
Нет! Это все потом!

* *
*

В. Б.

И ветра вольный горн,
И речь вечерних волн,
И месяца свечение,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье.
А так — кто ведал их!

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье.
А так — кто б знал о нас!

* *
*

Выйти из дому при ветре,
По непогоде выйти.
Тучи и рощи рассветны
Перед началом событий.

Холодно. Вольно. Бесстрашно.
Ветрено. Холодно. Вольно.
Льется рассветное брашно.
Я отстрадал — и довольно!

Выйти из дому при ветре
И поклониться Отчизне.
Надо готовиться к смерти
Так, как готовятся к жизни...

* *
*

3. Г.

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острей и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый —
Крик один и прощанье одно.

* *
*

Перед тобой стоит туман,
А позади — вода,
А под тобой сыра земля,
А над тобой звезда.

Но в мире ты не одинок,
Покуда чуешь ты
Движенье моря и земли,
Тумана и звезды;

Покуда знаешь о себе,
Что ты проводишь дни,
Как неживое существо:
Такое, как они.

А большего не надо знать,
Ведь прочее — обман.
Поет звезда, летит прибой,
Земля ушла в туман.

* *
*

Примеряться к вечным временам,
К бесконечным расстояниям —
Это все безмерно трудно нам,
Вопреки стараниям.

Легче, если расстояние — пядь,
Если мера времени — минута.
Легче жить. Труднее умирать
Почему-то.

* *
*

...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А уток пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.

И там, на дне души,
Загустевает, как в погребке зарытое вино.

Не смей, не смей из глуби доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пускай хранится глухо, немо, слепо,
Пускай! А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

АЛЕНУШКА

Когда настанет расставаться —
Тогда слетает мишура.
Аленушка, запомни братца!
Прощай — ни пуха, ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Аленушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье?
Моя ль высокая беда?..
Аленушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

НАЗВАНЬЯ ЗИМ

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Еленою звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, как шерсть и мех,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

* *
*

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы —
Спросонья, словно у детей!..

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы!
Названия и причины нет.

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы!
О чем ты плачешь? Бог с тобой!

Пахло соломой в сарае,
Тело — травой и ветром,
Губы — лесной земляникой,
Волосы — яблоней дикой.

Были на раннем рассвете
Легкие, свежие грозы.
Мы просыпались. И снова
Сном забывались, как дети.

Утром она убегала,
Заспанная и босая,
С крупных ромашек сбивая
Юбкой раскосые капли.

Да! Уже было однажды
Сказано: остановиться!
Сказано: остановиться!
Остановиться мгновенью!

«ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Стояли они у картины:
Саврасов. «Грачи прилетели».
Там было простое, родное.
Никак уходить не хотели.

Случайно разговорились,
Поскольку случилась причина.
— Саврасов. «Грачи прилетели» —
Хорошая это картина. —

Мужчина был плохо одетый.
Видать, одинокий. Из пьющих.
Она — из не больно красивых
И личного счастья не ждущих.

Ее проводил он до дома.
На улице было морозно.
Она бы' его пригласила,
Но в комнате хаос, и поздно.

Он сам напросился к ней в гости
Во вторник на чашечку чаю.
— У нас с вами общие вкусы
В картинах, как я замечаю...

Два дня она драила, терла
Свой угол для скромного пира.
Пошла, на последние деньги
Сиреневый тортик купила.

Под вечер осталось одеться,
А также открытку повесить —
«Грачи прилетели». Оделась.
Семь, восемь. И девять. И десять.

Семь, восемь. И девять. И десять.
Поглядывала из-за шторки.
Всплакнула. И полюбовалась
Коричневой розой на торте.

Себя она не пожалела.
А про неудавшийся ужин
Подумала: «Бедненький тортик,
Ведь вот никому ты не нужен!..»

«Наверно, забыл. Или занят.
Известное дело — мужчина...»
А все же «Грачи прилетели» —
Хорошая очень картина.

* *
*

У меня пред тобою вина.
И ее не смывает волна.
Не смывает прошедшего горя
Благодать полунощного моря.
У меня пред тобою вина,
Что осталась на все времена,
Времена, что белей и короче,
Чем короткие белые ночи.

* *
*

Тебя мне память возвратила
Такой, какою ты была,
Когда «Не любит!» говорила
И слезы горькие лила.

О, как мне нужно возвращенье
Из тех невозвратимых лет,
Где и отмщенье и прощенье,
Страстей непроходящий след.

И лишь сегодня на колени
Паду. Ведь цену знаю сам
Своей любви, своей измене.
Твоей любви, твоим слезам.

* *
*

Когда-нибудь я к вам приеду,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
Когда почувствую победу,
Когда открою новый путь.

Когда-нибудь я вас увижу,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
И жизнь свою возненавижу,
И к вам в слезах паду на грудь.

Когда-нибудь я вас застану
Растерянную, как всегда.
Когда-нибудь я с вами кану
В мои минувшие года.

ПЕСЕНКА БЕЗ СЛОВ

Хотел бы сказать тебе:
«Радость моя!» —
Но радость мне не по годам.
Хотел бы сказать тебе:
«Сердце мое!» —
Но сердце тебе не отдам.

Хотел бы сказать тебе:
«Счастье мое!» —
Но счастьем я не дорожу.
Раскланяюсь молча
При встрече с тобой.
И молча вослед погляжу.

* *
*

А помнишь, ты была тогда
Беспамятной воды —
На светлой глади ни следа,
Ни складки, ни черты.

Мы не останемся нигде
И канем в глубь веков,
Как отраженье на воде
Небес и облаков.

СЛОВА

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

МАСТЕР

А что такое мастер?
Тот, кто от всех отличен
Своею сивой мастью,
Походкой и обличем.

К тому ж он знает точно,
Что прочно, что непрочно,
И все ему подвластно —
Огонь, металл и почва.

Суббота, воскресенье —
Другим лафа и отдых,
Копаются с весельем
В садах и огородах.

А он калечит лапы
И травит горло ядом
С миниатюрным адом
Своей паяльной лампы.

Когда заря над морем
Зажжется, словно танкер,
Он с мастером таким же
Готов бы выпить шкалик.

Но мастеров немного
Ему под стать придется.
И если не найдется,
Он выпьет с кем придется.

Не верь его веселью,
Ведь мастера лукавы
И своему изделью
Желают вечной славы,

А не похвал в застолье
Под винными парами.
Зачем? Ведь он же мастер,
И смерть не за горами.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ю. Л.

Все, братец, мельтешишь, все ищем в «Литгазете»
Не то чтоб похвалы, а все ж и похвалы!
Но исподволь уже отцами стали дети,
И юный внук стихи строчит из-под полы.

Их надобно признать. И надо потесниться.
Пора умерить пыл и прикусить язык.
Пускай лукавый лавр примерит ученица
И, дурней веселя, гарцует ученик.

Забудь, что знаешь все! Иному поколению
Дано себя познать и тратить свой запал.
А мы уже прошли сквозь белое каленье,
Теперь пора остыть и обрести закал.

Довольно нам ходить отсюда и досюда!
А сбиться! А прервать на полуслове речь!
Лениться. Но зато пусть хватит нам досуга,
Чтоб сильных пожалеть, а слабых уберечь.

Теперь пора узнать о тучах и озерах,
О рощах, где полно тяжеловесных крон,
А также о душе, что чует вещий шорох,
И ветер для нее — дыхание времен.

Теперь пора узнать про облака и тучи,
Про их могучий лет неведомо куда,
Знать, что не спит душа, ночного зверя чутче,
В заботах своего бессонного труда.

А что есть труд души, мой милый стихотворец?
Не легковесный пар и не бесплотный дым.
Я бы сравнил его с работою затворниц,
Которым суждено не покидать твердынь.

Зато, когда в садах слетает лист кленовый,
Чей светлый силуэт похож на древний храм,
В тумане различим волнение жизни новой,
Движение кораблей, перемещение хмар.

И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной,
Без страха пустоту увидим над собой,
Где, заполняя слух бессонницы блаженной,
Шумит, шумит, шумит, шумит морской прибой.

ДОМ-МУЗЕЙ

Потомков ропот восхищенный,
Блаженной славы Парфенон...

Из старого поэта

...производит глубокое...

Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.
Это штора — окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безымянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.
(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет — удалой,
Он писал тогда оду «Долой»
И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полкой —
След дуэли. Пейзаж «Под скалой».
Вот начало «Послания к другу»,
Вот письмо: «Припадаю к стопам...»
Вот ответ: «Разрешаю вернуться...»
Вот поэта любимое блюдце,
А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.
Варианты поэмы «Ура!»
И гравюра «Вручение медали».
Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.
Дневники. Замечанья. Тетрадки.
Вот блестящий ответ на нападки
И статья «Почему мы дурим».
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец —
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип —

Лысый, старенький, в бархатной блузе —
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канapé.
Перед тем произнес изречение
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта — последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом...

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

СТАНСЫ

Начнем с подражания. И это
Неплохо, когда образец —
Судьба коренного поэта,
Приявшего славный венец.

Терновый, а может, лавровый —
Не в этом, пожалуй что, суть.
Пойдем за старухой суровой,
Открывшей торжественный путь.

И, сами почти уже старцы,
За нею на путь становясь,
Напишем суровые стансы
Совсем безо всяких прикрас.

В тех стансах, где каждое слово
Для нас замесила она,
Не надо хорошего слога
И рифма пусть будет бедна.

Зато не с налету, не сдуру,
Не с маху и не на фу-фу,
А трижды сквозь душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

Великая дань подражанию!
Нужна путеводная нить!
Но можно ли горла дрожанье
И силу ума сочинить?

И как по чужому каркасу
Свое устроенье обжаты?
И можно ли смертному часу
И вечной любви подражать?

Начнем с подражанья. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от бога дано.

ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА

М. П.

Моцарт в легком опьяненье
Шел домой.
Было дивное волненье,
День шальной.

И глядел веселым оком
На людей
Композитор Моцарт Вольфганг —
Амадей.

Вкруг него был листьев липы
Легкий звон.
«Тара-тара, тили-тили», —
Думал он.

Да! Компания, напитки,
Суета.
Но зато дуэт для скрипки
И альты!

Пусть берут его искусство
Задарма.
Сколько требуется чувства
И ума!

Композитор Моцарт Вольфганг,
Он горазд, —
Сколько требуется, столько
И отдаст.

Ох, и будет Амадею
Дома влет.
И на целую неделю —
Черный лед.

Ни словечка, ни улыбки.
Немота.
Но зато дуэт для скрипки
И альты.

Да! Расплачиваться надо
На миру
За веселье и отраду
На пиру,

За вино и за ошибки —
Дочиста...
Но зато дуэт для скрипки
И альты!

* *
*

В этот час гений садится писать стихи.
В этот час сто талантов садятся писать стихи.
В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.
В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.
В этот час миллион одиноких девиц садятся писать стихи.
В этот час десять миллионов влюбленных юнцов садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия
Рождается одно стихотворение.
Или гений, зачеркнув написанное,
Отправляется в гости.

* *
*

Не исповедь, не проповедь,
Не музыка успеха —
Желание попробовать,
Как отвечает эхо.

Как наше настоящее
Поет морозной ранью
И как звучит стоящее
За вековую гранью.

СОДЕРЖАНИЕ

Сороковые	3
Старик Державин	4
«Тогда я был наивен»	5
«Полночь под Иван-Купала»	5
Средь шумного бала	6
«Дай выстрадать стихотворенье!»	7
Память	8
Из детства	8
Выезд	9
Цыгане	9
Вечером	10
«Мне снился сон. И в этом трудном сне»	11
«Давай поедem в город»	11
«Кто устоял в сей жизни трудной»	12
«То осень птицы легче»	13
«И ветра вольный горн»	13
«Выйти из дому при ветре»	14
«Повтори, воссоздай, возверни»	14
«Перед тобой стоит туман»	14
«Примеряться к вечным временам»	15
«...И тогда узнаешь вдруг»	15
«И всех, кого любил»	16
Аленушка	16
Названья зим	17

«Была туманная луна»	17
«Пахло соломой в сарае»	18
«Грачи прилетели»	18
«У меня пред тобою вина»	20
«Тебя мне память возвратила»	20
«Когда-нибудь я к вам приеду»	20
Песенка без слов	21
«А помнишь, ты была тогда»	21
Слова	22
Мастер	22
Другу-стихотворцу	23
Дом-музей	25
«Вот и все. Смежили очи гении»	26
Стансы	26
Дуэт для скрипки и альта	27
«В этот час гений садится писать стихи»	29
«Не исповедь, не проповедь»	29

Давид САМОЙЛОВ

ДАЙ ВЫСТРАДАТЬ
СТИХОТВОРЕНИЕ...

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 28.11.86. Подписано к печати 02.02.87. А 00319. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,30. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80000 экз. Изд. № 637. Заказ 4134.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.